

Отчет о реализации проекта РФФИ № 16-31-00017 «Девиантный досуг городского населения Советской России в 1920-е гг.: модели, практики, институционализация» в 2017 году

Руководитель проекта – д.и.н., проф. С.Б. Ульянова
Исполнители проекта – к.и.н., доц. Н.В. Офицерова
к.и.н., доц. И.В. Сидорчук

АННОТАЦИЯ

1. **Ключевые слова:** история девиантного досуга, история досуга, история повседневности, история Советской России 1920-х гг.

2. **Срок реализации проекта:** 2016 – 2018 гг. 1.4.

3. **Научные результаты работы:**

Проведены изыскания в центральных и региональных архивах (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН)); проведена работа в библиотеках с целью выявления и анализа источников по заявленной теме (Российская национальная библиотека, Фундаментальная библиотека СПбПУ Петра Великого, Библиотека им. М.Горького СПбГУ), в том числе с базами данных Scopus, JSTOR - The Scholarly Journal Archive, EBSCO, Elsevier, Taylor and Francis. В результате сформирован систематизированный комплекс опубликованных и архивных источников по теме исследования (см. Приложение 1). Результаты изысканий представлены в виде докладов на конференциях. Опубликованы и подготовлены к печати статьи по отдельным проблемам темы, в сети Интернет размещена коллекция исторических источников по теме исследования. Новизна работы: в ходе исследования были подробно рассмотрены хулиганство, пьянство, наркомания как досуговые практики, распространенные в 1920-х гг. Также внимание было сконцентрировано на рассмотрении тех досуговых практик, которые были провозглашены девиантными советской властью, в частности, исполнение религиозных обрядов и вещизм. Были проанализированы особенности институционализации девиантного досуга, механизм формирования и развития послереволюционного советского властного и общественного досугового дискурса. Были рассмотрены как законодательные, так и пропагандистские способы борьбы власти с различными видами девиантного досуга. Сделаны выводы о степени распространенности различных форм девиантного досуга среди различных категорий населения, дана оценка успешности политики власти в борьбе с ними. Актуальность исследования обусловлена

тем, что создание нового пространства повседневности являлось одной из важнейших задач большевистской власти в ее стремлении воспитать подлинно советского человека. Исследование досуга, являющегося одной из составляющих жизни человека, оказывается незаменимым при обращении к социальной истории. Изучение девиантного досуга, как его неотъемлемой разновидности, позволяет не только получить представление о «теневых» сторонах жизни советского человека, но и существенно расширить понимание тех масштабных социальных и культурных трансформаций, которые были начаты после 1917 г. При этом исследование досуговых моделей и практик отклоняющегося поведения позволяет не только расширить наши представления о прошлом, но и выработать практические рекомендации для современной социальной и культурной политики. В соответствии с задачами исследования, продолжалось изучение современной историографии темы, которая была существенно дополнена по сравнению с первым этапом исследования. Так, особую значимость представляют работы Э. Горсач (A. Gorsuch) о жизни молодежи в Советской России 1920-х гг., в которых рассмотрена ее повседневная жизнь, молодежная политика власти, особенности советской женской эмансипации, трансформировавшей жизнь женщины (Youth in Revolutionary Russia. Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana University Press, 2000; "A Woman is Not a Man": The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921-1928. In: Slavic Review. 1996. Vol. 55. No. 3). Распространению хулиганства в России и его особенностям посвящены работы Дж. Хэтча (Hangouts and Hangovers: State, Class and Culture in Moscow's Workers' Club Movement, 1925-1928. In: The Russian Review. 1994. Vol. 53. No. 1), П. Конечного (Library Hooligans and Others: Law, Order, and Student Culture in Leningrad, 1924-38. In: Journal of Social History. 1996. Vol. 30. No. 1), Дж. Нойбергера (Hooliganism: Crime, Culture and power in St. Petersburg, 1900-1914. Berkeley: Univ. of California Press, 1993, Stories of the Street: Hooliganism in the St. Petersburg Popular Press. In: Slavic Review. 1989. Vol. 48. No. 2. P. 177-194). Вопросам гендерных особенностей досуга, изменениям женского досуга в постреволюционных условиях посвящены исследования Heather DeHaan Engendering a People: Soviet Women and Socialist (1999) Engendering a People: Soviet Women and Socialist Rebirth in Russia. In: Canadian Slavonic Papers, 1999, 41:3-4; Дж. МакКинни Lone mothers in Russia: Soviet and Post-Soviet policy. In: Feminist Economics, 2004, 10:2; Д. Харшман Cooking up a New Everyday: Communal Kitchens in the Revolutionary Era, 1890-1935. In: Revolutionary Russia, 2016, 29:2; А. Боброф The Bolsheviks and working women, 1905-20, Soviet Studies, 1974. 26:4). Ряд отечественных авторов рассматривает особенности городской культуры повседневности, ее столкновение с предписываемыми Советским государством нормами (Араловец Н.А. Российское городское население в 1897-1926 гг.: брак и семья. М., 2004; Кринко Е.Ф. и др. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-н/Д, 2011; Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013 и др.). Сформированная в 2016 г. источниковая база была пополнена за счет дальнейшего изучения опубликованных и неопубликованных источников. Среди фондов ГА РФ были рассмотрены фонды Центральной контрольной комиссии – Рабоче-Крестьянской инспекции СССР (Р-374), Совета народных комиссаров СССР (Р-5446), Народного комиссариата внутренних дел (Р-393), Центральной избирательной комиссии СССР (Р-3316). В материалах РГАСПИ – фонд Центрального комитета РКП(б) – ВКП(б) – КПСС (ф. 17), были изучены документы, систематизированные в описях 60 (отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)), 84 (бюро секретариата ЦК ВКП(б)), 85 (Секретный отдел), 87 (Материалы, присланные в ЦК ВКП(б) для информации): информационные письма, обзоры и сводки, результаты обследований партийных ячеек предприятий, сводки жалоб и т.д. В

ЦГА СПб – фонд Р-131 (Петроградская городская милиция), Р-148 (Выборгский районный совет народных депутатов), Р-1000 (Ленинградский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет), Р-1552 (Северо-Западное промышленное бюро ВСНХ), фонд 33 (Управление Советской рабоче-крестьянской милиции Ленинграда (Петрограда) и Ленинградской (Петроградской) губернии и подведомственные им учреждения), ф. 148 (Выборгский районный совет народных депутатов Санкт-Петербурга), ф. 1001 (Отдел Управления исполнительного комитета советских рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Петроградской губернии). В ЦГАИПД СПб. – фонды Северо-Западного областного бюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) (ф. 9, оп. 1-2); Северо-Западного (с 1927 г. — Ленинградского) областного бюро ЦК ВЛКСМ (ф. К-599, оп. 1-2), Петроградского/Ленинградского губкома РКП(б)/ВКП(б) (ф. 16, оп. 1, 4-10), Петроградской/Ленинградской Контрольной Комиссии (ф. 563, оп. 1), коллективов ВКП(б) Балтийского завода (ф. 78), завода Парвайнен/завода им. МОПР (ф. 378), Детскосельского укома партии (ф. О-1603), Гатчинского укома партии и коллектива ВКП(б) Гатчинского литейномеханического завода (ф. О-1605), Партийного комитета Электромашиностроительного объединения «Электросила» (ф. 2071), первичной организации ВКП(б) Карточной фабрики (ф. 1239). В ГАНИПО фонды Псковского губкома РКП(б)/ВКП(б) (ф. 1, оп. 1), губернской Контрольной Комиссии (ф. 2 оп. 1-2) и Островского укома партии (ф. 109). ГАПО фонды губернской прокуратуры (ф. Р-320) и губернского исполнительного комитета (ф. Р-590). В СПФ АРАН – личный фонд известного психиатра В.М. Бехтерева, активно занимавшегося проблемами наркологии (ф. 842). Было продолжено изучение периодической печати различной направленности. Изучение журналов «Бузотер», «Вопросы наркологии», «Женский журнал», «За новый быт», «Крокодил», «Работница», «Трезвость и культура» и газет «Ленинградская правда», «Красная газета», «Смена», «Красный спорт», «Листок рабкора» позволило существенно дополнить представление о распространенности тех или иных досуговых практики, восстановить обстоятельства судебных процессов над хулиганами и растратчиками, проследить ход кампаний по борьбе с девиациями. Среди прессы стоит выделить рассмотренные многотиражные заводские газеты («Трибуна Халтуринцев», «Стапель», «Светоч», «Погонялка», «Красная Заря», «Кабельщик», «Голос Балтийца», «Электросила», «Егоровец», «Голос Казицких», «Радиостроитель»). Данный источник недостаточно востребован у историков, несмотря на то, что корпоративная пресса была наиболее приближена к реальному положению дел, оперативно реагировала на проблемы и максимально четко и ясно старалась донести государственные установки до рабочего – своего главного читателя. Их авторами являлись рабкоры, а не профессиональные журналисты, что делало стенные и многотиражные газеты ближе к рабочим и действительно важным средством воздействия на трудовой коллектив. Источниковая база исследования была пополнена многочисленными научно-популярными и агитационно-пропагандистскими брошюрами, издававшимися с целью пропаганды культурного досуга и борьбы с девиантным поведением (О борьбе с наследием прошлого. М., 1925; Растраты и растратчики. М., 1926; За культурный досуг молодежи. М., 1928 и др.). В них наглядно отражены основные аспекты досуговой политики Советской власти и ее эффективность. В рамках второго этапа исследования особое внимание было уделено возможности применения различных социологических теорий девиантного поведения при изучении истории девиантного досуга с СССР 1920-х гг. Было установлено, что ряд теоретических подходов, разработанных в рамках социологии, в частности, теория конфликта культур, стигматизации и др. могут способствовать более конструктивному освещению этих страниц отечественной истории, пониманию уникальности «духа времени», особенностей

формирования повседневной культуры и общественных норм в постреволюционных условиях. Было рассмотрено влияние революции 1917—1922 гг. на сферу досуга, в том числе, девиантного. Общая радикализация в период революции и гражданской войны привела к коренным изменениям в повседневной жизни советского человека, обусловила, среди прочего, модификацию досуговых моделей и практик. Однако можно утверждать, что в 1917—1921 гг. не произошло качественного скачка в распространении девиантных форм досуга. Имело место лишь некоторое перераспределение времени между различными видами асоциального поведения, упрощение потребляемых ресурсов и изменение городской топографии девиантного досуга. Исследовательский коллектив обратился к изучению различных девиантных досуговых практик, распространенных в 1920-е гг. и методам борьбы власти с ними. В частности, речь идет об исполнении церковных ритуалов и церковных праздниках. Были рассмотрены календарные ритуалы, связанные с празднованием 1 Мая и 7 ноября (праздники-заменители) и проведение комсомольских Пасхи и Рождества (анти-праздники), подчеркнуты элементы пародии и гротеска, маркируемые как «борьба с религиозными предрассудками». Как ритуалы перехода были рассмотрены советские «крестины», гражданский брак и вступление в партию. В ходе проведенного исследования было обращено внимание на то, что в официальном дискурсе церковные праздники были неразрывно связаны с пьянством. Сделан вывод о вытеснении религиозной деятельности в сферу девиантного досуга. Особое внимание было приковано к анализу регулирования свободного времени рабочих, представителей класса, провозглашенного авангардом советского общества. После 1917 г. государство с его патерналистской политикой начало активно вмешиваться в процесс складывания индустриальных досуговых практик, и новая культура рождалась в борьбе между реальным и идеальным, крестьянским, пролетарским и советским досугом. Общей проблемой, характерной для всех рабочих, являлось распространение практик, понимаемых новой властью как девиантные – пьянства, хулиганства, религиозности, вещизма, сексизма и др. Работа по созданию новой досуговой культуры была направлена на борьбу с ними. Был сделан вывод о том, что реальная досуговая повседневность рабочих могла существенно отличаться от тех идеалов и стандартов, которые пыталась навязать власть. Полезные и правильные инициативы, пусть и привязанные к идеологии, сталкивались на низовом уровне с препятствиями, преодоление которых было невозможно декларативными мерами, призывами и организацией кампаний в прессе. Изучение социального пространства досуга показало, что вопреки замыслам советских руководителей, фабричные места досуга в 1920-е – начале 1930-х гг. зачастую становилось площадкой для девиантного поведения. В рабочих клубах процветало хулиганство, кооперативные столовые превращались в пивные, на заводском дворе играли в карты и т.п. Ряд исследователей видит в этом проявление «своеволия», которое позволяло рабочим найти ниши в фабричной дисциплине. Важнейшей задачей государства стало формирование новой индустриальной культуры, нового социалистического досуга, новых культурных доминант. Этой цели служила, среди прочего, деятельность многочисленных советских, профсоюзных и т.п. комиссий по борьбе с теми или иными социальными пороками. Исследовательский коллектив пришел к выводу о том, что наиболее распространенной формой отклоняющегося поведения среди рабочих являлось пьянство, что во многом было связано с дореволюционными корпоративными практиками, переживавшими в советскую повседневность, и гетерогенным составом рабочих, значительная часть которых являлась выходцами из деревни, привнесшими в города крестьянские обычаи проведения свободного времени. Остальные виды девиантного досуга, в первую очередь, хулиганство и соблюдение религиозных ритуалов, отмечание церковных праздников напрямую связывались с потреблением спиртного,

которое стало важной частью субкультуры промышленных рабочих. При этом основной причиной усиленной борьбы с ним было стремление поддержки высокого уровня производительности и трудовой дисциплины, что стало особенно актуальным с началом первой пятилетки. Комплексное исследование особенностей женского досуга показало, что в повседневных реалиях советского города 1920-х гг. женщина была ограничена в возможностях реализовать себя в сфере досуга. В условиях более низкой оплаты труда и необходимости выполнять в полном объеме домашние обязанности у нее не было ни достаточного времени, ни средств для полноценного отдыха. При этом оставался сильным патриархальный уклад, который не только ставил женщину в зависимое положение от мужчины на работе и в семье, но и требовал от нее исполнения традиционных гендерных ролей. Большинство видов традиционного времяпрепровождения – танцы, прогулки, посещение церкви, покупка одежды и косметики – позиционировались как девиантные, что в понимании власти являлось препятствием воспитания советской работницы. Власть предлагала женщинам заниматься традиционно мужскими видами досуга, не задумываясь об подлинных женских нуждах. Большевицкий лозунг освобождения женщины носил декларативный характер. На практике государство старалось жестко регулировать процесс эмансипации советской женщины, которая оказывалась вынуждена балансировать между традиционным патриархатом, радикальными революционными идеями и повседневной реальностью, которая, в теории предоставляя право на досуг, на практике не давала на него ни времени, ни денег, ни свободы. Девиантный досуг нэпманов и «советской буржуазии» была проанализирован в социальноэкономическом контексте, как элемент структуры коррупционных расходов. Было обращено особое внимание на эпидемию растрат, показано, что растратчик стал одним из распространенных негативных социальных типов периода новой экономической политики. Растраты в 1920-х гг., благодаря «соблазнам нэпа» и общей атмосфере бесхозяйственности, стали настолько массовым явлением, что сконцентрировали на себе внимание общества. В отсутствие культуры досуга деньги, в основном, тратились на весьма примитивные удовольствия – карты, бега, женщин, алкоголь и т.д. Такие развлечения вызывали, с одной стороны, общественное недовольство, а с другой – социальную зависть. Несмотря на то, что жизнь проворовавшегося хозяйственника могла оборачиваться трагедией – тюрьмой или самоубийством, его образ, создаваемый прессой и художественной литературой, скорее жалок и комичен. Не являлся таковым он для власти, представители которой были шокированы масштабами краж, угрожавшими экономической и политической безопасности страны. По мере сворачивания нэпа приверженность "шикарному" досугу (азартные игры, посещение ресторанов и т.п.) стали рассматриваться как атрибут "классового врага", что нашло отражение, среди прочего, в материалах политических процессов рубежа 1920-х - 1930-х гг. ("Шахтинское дело", "Дело Судотреста" и др.). В целом, изучение историографии, опубликованных источников, архивных материалов позволило подробно рассмотреть практики и институционализацию девиантного досуга в СССР в 1920-е гг., показать особенности советского властного и общественного дискурса девиантного досуга. Результаты проведенных исследований были апробированы на 9 международных и всероссийских научных конференциях и форумах. Опубликовано и принято в печать 13 печатных работ, в сети интернет размещена коллекция исторических источников по теме исследования.